

Возможности российско-южнокорейского делового сотрудничества в новой геополитической реальности

Георгий Давидович Толорая

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Центра мировой политики и стратегического анализа Института Китая
и современной Азии РАН, Москва, Россия, info@nkibrics.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3685-2120>

Аннотация. В настоящей статье анализируется трансформация российско-южнокорейских деловых отношений в период с 2022 по 2026 г., происходящая на фоне геополитического кризиса и смены внешнеполитических парадигм. Рассматривается переход двустороннего взаимодействия от модели стратегического партнёрства к «вынужденному прагматизму», обусловленный как институциональными изменениями в России, так и ужесточением санкционной политики Республики Корея под влиянием США. Цель настоящего исследования заключается в выявлении структурных изменений двустороннего взаимодействия и определении условий, при которых в среднесрочной перспективе может быть достигнута «тихая нормализация». Для этого автором проанализированы динамика взаимного товарооборота и причины его снижения, трансформация логистических цепочек и феномен «скрытого присутствия» корейского бизнеса через юрисдикции стран ЕАЭС. Методологическая основа исследования включает системный анализ статистических данных, заявлений официальных лиц и отраслевых отчётов, а также сравнительную оценку адаптационных стратегий южнокорейских чеболей. Полученные результаты показывают, что формирование военно-политического союза Москвы и Пхеньяна (2024–2026 гг.) создало структурные препятствия для восстановления отношений, сделав невозможным возврат к статус-кво 2021 г. Также установлено, что эскалация конфликта на Ближнем Востоке способствовала пересмотру Сеулом собственных энергетических санкций и возобновлению дискуссии о целесообразности импорта российских углеводородов. Сделан вывод о том, что дальнейшее сотрудничество будет сосредоточено в плоскости узкопрагматичных проектов, включая Северный морской путь, ресурсную базу Сибирской Арктики и евразийских посредников, при сохранении высокой волатильности, обусловленной зависимостью Республики Корея от союзнических обязательств перед США.

Ключевые слова: Россия, Республика Корея, санкции, международный бизнес, Северный морской путь, энергетический кризис, поворот на Восток, вторичные санкции, чеболи

Для цитирования: Толорая Г. Д. Возможности российско-южнокорейского делового сотрудничества в новой геополитической реальности // Международный бизнес. 2026. Т. 15, № 1. С. 5–19. <https://doi.org/10.24833/2949-639X-2026-1-15-5-19>.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Original article

Opportunities for Russian-South Korean Business Cooperation in the New Geopolitical Reality

Georgy D. Toloraya

Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher
at the Centre for World Politics and Strategic Analysis of the Institute
of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
info@nkibrics.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3685-2120>

Abstract. This article examines the transformation of Russian-South Korean business relations between 2022 and 2026 against the backdrop of a geopolitical crisis and shifting foreign policy paradigms. It analyses the evolution of bilateral interaction from a model of strategic partnership towards one of “forced pragmatism”, driven both by institutional changes in Russia and by the tightening of the Republic of Korea’s sanctions regime under the influence of the United States. The aim of this study is to identify the structural changes in bilateral cooperation and to determine the conditions under which a “quiet normalisation” might be achieved in the medium term. To this end, the author examines the dynamics of mutual trade turnover and the reasons for its decline, the reconfiguration of logistics chains, and the phenomenon of Korean businesses’ “hidden presence” through jurisdictions of the EAEU member states. The methodological framework comprises a systematic analysis of statistical data, official statements, and sectoral reports, as well as a comparative assessment of the adaptive strategies employed by South Korean chaebols. The findings indicate that the formation of the Moscow-Pyongyang military-political alliance (2024–2026) has created structural obstacles to restoring bilateral relations, rendering a return to the 2021 status quo impossible. It is also shown that the escalation of the conflict in the Middle East has prompted Seoul to reconsider its own energy-related sanctions and to reopen debate on the feasibility of importing Russian hydrocarbons. The conclusion is that future cooperation will be confined to narrowly pragmatic projects, including the Northern Sea Route, the resource base of the Siberian Arctic, and Eurasian intermediary arrangements, while high volatility persists owing to the Republic of Korea’s reliance on its alliance commitments to the United States.

Keywords: Russia, Republic of Korea, sanctions, international business, Northern Sea Route, energy crisis, Pivot to the East, secondary sanctions, chaebols

For citation: Toloraya G. D. Opportunities for Russian-South Korea business cooperation in the new geopolitical reality. *International Business*. 2026;15(1): 5–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.24833/2949-639X-2026-1-15-5-19>.

Conflict of interest: no conflict of interest was reported by the author.

Введение

После установления дипломатических отношений между СССР и Республикой Корея в 1990 г. (которые отсутствовали с момента образования южнокорейского государства из-за поддержки Москвой КНДР) данный «азиатский тигр» стал рассматриваться как важный деловой партнёр России и Азии, занимавший как минимум третье место по значимости после Китая и Японии. Данная тенденция объяснялась взаимодополняемостью экономик (российские ресурсы и отдельные технологии в обмен на южнокорейскую готовую продукцию), ожиданиями притока корейских инвестиций и формирования долгосрочных цепочек стоимости, а также стремлением Москвы к созданию логистической сети с участием обоих корейских государств.

Однако не все ожидания оправдались. Причинами выступили как хаотическое состояние российской экономики в 1990-е гг., которое отпугнуло южнокорейских предпринимателей, так и ограничения со стороны Соединённых Штатов, накладываемые на своего союзника в области высоких технологий и в сфере сотрудничества с Россией и Китаем в целом. Определяющую роль также сыграли опасения Сеула по поводу сохранявшихся связей России с КНДР — государством, которое Республика Корея считала своим противником, подлежащим «ликвидации» под лозунгом объединения страны. Тем не менее двусторонний товарооборот демонстрировал устойчивую положительную динамику, а южнокорейские компании заняли лидирующие позиции на российском рынке в ряде отраслей, в частности, автомобилестроении, электротехнической и электронной промышленности, судостроении, строительстве, пищевой и косметической промышленности. Россия заняла собственную нишу в снабжении Республики Корея сырьевыми ресурсами, полуфабрикатами и некоторыми видами технологий. В 2008 г. страны провозгласили курс на стратегическое партнёрство.

Вместе с тем с середины 2010-х гг. отношения начали ухудшаться по политическим причинам, что было обусловлено давлением западных стран на Республику Корея в связи с крымскими событиями. К 2026 г. стало очевидно, что отношения между Москвой и Сеулом находятся не просто в состоянии кризиса, но переживают смену модели взаимодействия — от «партнёрства по модернизации» к тому, что можно охарактеризовать как «холодный мир». Отношения

между странами фактически выстраиваются в соответствии с блоковой логикой, где ключевым фактором выступают геополитические противоречия, связанные с формированием нового мирового порядка. Приоритетным направлением политики Республики Корея стало укрепление союза с США и Японией, включая элементы ядерного сдерживания, с возможной ориентацией на формирование многостороннего альянса в так называемом Индо-Тихоокеанском регионе, направленного против «ревизионистских государств». Концепция «Евразийского сопряжения» (включая логистический коридор от юга Кореи до Европы), ранее являвшаяся приоритетной для России и находившая поддержку у Республики Корея (а на некоторых этапах — и у КНДР), утратила актуальность, что ограничило поле двусторонних отношений сугубо двусторонней повесткой.

Республика Корея позиционирует себя в рамках западноцентричной системы, стремясь повысить свой статус и претендуя на роль «средней державы», регионального и даже глобального модератора, являясь своего рода «мостом» между развитыми и развивающимися странами, Западом и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Россия выступает одним из организаторов иной мировой подсистемы, основанной на суверенитете. При этом наблюдается углубление её интеграции в форматы, ассоциируемые с Глобальным Югом (ШОС, БРИКС и другие). Закономерным следствием данного процесса стало расширение сотрудничества России с Китаем и Северной Кореей.

Политический контекст

В настоящее время деловое сотрудничество между Россией и Республикой Корея, которая ещё в недавнем прошлом занимала второе-третье место среди торговых партнёров России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, находится в состоянии стагнации, обусловленной преимущественно политическими факторами. Ситуация усугубляется на протяжении последних нескольких лет после системного разрыва связей, выстраивавшихся в течение трёх десятилетий, в частности, вследствие того, что Сеул занял позицию западных стран в отношении украинского конфликта.

Достигнув пика во втором десятилетии XXI в., торгово-экономические отношения впервые столкнулись с ограничениями ещё в середине 2010-х гг. Под давлением западных партнёров Республика Корея была вынуждена присоединиться к санкционной политике в связи с событиями вокруг Крыма. Несмотря на то что правительство Мун Чжэ Ина, придерживавшееся демократического курса, не проявило особого рвения во введении ограничений, ряд товаров все же попал в запретительные списки, финансовые расчёты оказались затруднены, а некоторые компании либо покинули российский рынок, либо свернули операции, перейдя на работу через посредников.

После начала специальной военной операции (СВО) экономические отношения подверглись беспрецедентному внешнему давлению, вызванному

санкциями, которые многие западные страны ввели против России. Хотя Сеул поначалу воздерживался от введения собственных ограничений, ни южнокорейские компании, ни правительство страны не могли игнорировать сложившийся международный контекст.

Причиной острой фазы деградации двусторонних отношений стала политика администрации президента Юн Сок Ёля, проводимая с 2023 г. Данный курс фактически принёс национальные интересы Республики Корея в жертву глобальной стратегии Вашингтона, поскольку Сеул полностью поддержал американскую позицию по украинскому вопросу. В апреле 2023 г. правительство Юна существенно расширило перечень важнейших товаров, запрещённых для экспорта в Россию, — с 57 до 1159 позиций. Российская сторона стремилась минимально реагировать на недружественные шаги Юн Сок Ёля, который не только критиковал Россию на различных международных площадках, но и допускал возможность поставок летального оружия киевскому режиму. Даже накануне заключения российско-северокорейского договора в июне 2024 г. Президент России В.В. Путин предпринимал встречные шаги в адрес Сеула, указывая на отсутствие русофобии в Республике Корея [1]. Однако эти попытки не привели к улучшению отношений.

В следующем году на фоне активизации российско-северокорейского взаимодействия санкционное давление со стороны Республики Корея приобрело дальнейшее развитие, приняв характер, не зависящий от международной конъюнктуры. Данный вопрос оказался увязан с межкорейскими отношениями¹. Если ранее ситуация казалась обратимой, то открытые контакты между Москвой и Пхеньяном кардинально изменили её. С точки зрения Сеула, это полностью нивелировало результаты трёх десятилетий политики Республики Корея в отношении России, поскольку главной целью южнокорейской стратегии оставалось лишение КНДР любой внешней поддержки для облегчения реализации сценария её поглощения.

Начавшиеся в 2023 г. поставки боеприпасов и вооружений из КНДР в Россию, последующее оформление в 2024 г. стратегического партнёрства между Россией и Северной Кореей, а тем более отправка северокорейских воинских контингентов на фронт вызвали в Сеуле «экзистенциальный шок» и были расценены как полный провал политики на российском направлении. Это поставило крест на основных постулатах политики Сеула в отношении России [7], поскольку союз КНДР с Россией лишил Сеул прежних рычагов воздействия на Москву в вопросах денуклеаризации Корейского полуострова [5]. Более того, Москва официально заявила, что вопрос о ядерном статусе КНДР утратил смысл и не подлежит обсуждению в прежних форматах. Напротив,

¹ Толорая Г. Д. Как преодолеть кризис в отношениях с Южной Кореей? // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/preodolet-krizis-s-koreej-toloraya/> (дата обращения: 03.03.2026).

в условиях санкционного давления Москва видит в Пхеньяне надёжного стратегического партнёра, способного обеспечить безопасность восточных рубежей России [6].

IX съезд Трудовой партии Кореи, состоявшийся в феврале 2026 г., подвёл черту под прежними надеждами Сеула на то, что Москва сможет «сдерживать» Пхеньян в интересах Юга². Окончательно институционализирован переход КНДР к доктрине «двух враждебных государств»³, которую Москва вынуждена признавать.

Независимо от коммерческих интересов, Республика Корея стала воздерживаться от контактов и сотрудничества с Россией. Отныне Сеул напрямую увязывает возможность потепления двусторонних отношений с требованием прекратить поддержку КНДР, что для России является неприемлемым. Данная позиция подтверждается жёсткой реакцией МИД России в декабре 2025 г., когда любые попытки южнокорейской стороны обусловить экономическое сотрудничество «поведением Пхеньяна» были решительно отвергнуты. Как отмечают западные аналитики С. Снайдер и А. Йо, подобный разрыв в восприятии угроз вынуждает Сеул ещё глубже интегрироваться в систему ядерного планирования США, что, в свою очередь, лишь усиливает региональную нестабильность [8].

Почти все межправительственные механизмы сотрудничества — от работы Совместной комиссии до диалога по линии внешнеполитических ведомств — находятся в замороженном состоянии. Республика Корея остаётся в российском перечне недружественных государств. Прямые контакты на политическом уровне сведены к минимуму, а гуманитарные и культурные обмены практически прекращены [2]. Главным фактором разрыва стало не столько прямое присоединение к санкционному режиму, сколько разрушение «атмосферы доверия» между сторонами.

Институциональный кризис усугубился сменой парадигмы внешнеэкономической политики в самой России. Поворот на Восток, приобретший безальтернативный характер, привёл к тому, что Москва перестала рассматривать Сеул в качестве приоритетного технологического донора. На смену «корейскому чуду» пришли китайские технологии и внутренние российские разработки. Как отмечает П.С. Лешаков, южнокорейский бизнес в России оказался в «серой зоне»: с одной стороны, давление со стороны штаб-квартир и риск вторичных санкций, с другой — нежелание терять рынок с огромным потенциалом [4].

² Толорая Г. Д. Корейский раздрай: что он значит для российской политики // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/raskol-mezhdu-koreyami-posledstviya-dlya-rossiyskoj-politiki/> (дата обращения: 06.03.2026).

³ Толорая Г. Д. Девятый съезд ТПК: институционализация новой государственной идентичности КНДР и выводы для России // Международный дискуссионный клуб «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/devyatyy-sezd-tpk/> (дата обращения: 06.03.2026).

Демократическая администрация Ли Джэ Мёна, пришедшая к власти в 2025 г., на которую в России возлагали большие надежды, смогла осуществить лишь «косметический ремонт» двусторонних отношений, не затронув их фундаментальных проблем. Если ранее Республика Корея рассматривалась Россией как наиболее прагматичный и перспективный партнёр среди «недружественных» государств, то к 2026 г. данное восприятие претерпело радикальную трансформацию. Москва утвердилась во мнении, что политический класс Республики Корея утратил значительную долю внешнеполитической субъектности и действует в интересах США и Запада в ущерб собственным национальным приоритетам.

Вместе с тем Россия заявляет о готовности к нормализации отношений при условии, что Республика Корея де-факто ограничит применение санкционных мер и откажется от оказания помощи Украине. Министерство иностранных дел России и Администрация Президента России заняли позицию «выжидательного прагматизма». Так, в Москве позитивно, хотя и сдержанно, восприняли решение Ли Джэ Мёна не поставлять летальное оружие киевскому режиму, охарактеризовав этот шаг как «восстановление здравого смысла». Однако в начале 2026 г. стало известно, что Республика Корея изучает возможность присоединения к инициативе НАТО, предусматривающей финансирование закупок американского вооружения для Украины через механизм PURL (Prioritized Ukraine Requirements List) — программу коллективного финансирования поставок вооружений⁴. Как заявил российский МИД, подобные действия нанесли бы «непоправимый ущерб отношениям России и Республики Корея, разрушив перспективы восстановления конструктивного диалога по проблематике Корейского полуострова»⁵.

В обозримой перспективе двусторонние отношения, даже при условии нормализации, будут сведены преимущественно к сугубо прагматичным экономическим проектам, причём к таким, от которых, в случае необходимости, можно будет отказаться без значительного ущерба для национальных интересов каждой из сторон.

Деградация экономического сотрудничества и адаптация

Экономическое сотрудничество двух стран переживает глубочайший спад. Если в 2021 г. объем двустороннего товарооборота составлял 27,3 млрд долл. США, то по итогам 2025 г. он оценивается в пределах 11,7 млрд долл. США (таблица 1)⁶.

⁴ Lee Hyo-jin. Korea Mulls Joining NATO Initiative to Fund Weapons for Ukraine // The Korea Times. URL: <https://www.koreatimes.co.kr/foreignaffairs/20260220/korea-mulls-joining-nato-initiative-to-fund-weapons-for-ukraine> (accessed: 21.02.2026).

⁵ Ответ официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос СМИ относительно возможного участия Республики Корея в инициативе «PURL» // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2082021 (дата обращения: 26.02.2026).

⁶ 2025 Annual Export & Import Trends // Korea International Trade Association (KITA) : [site]. URL: <https://www.kita.org/kitaTradeReport/kitaTradeReport/kitaTradeReportList.do> (accessed: 26.02.2026) ; Итоги внешней торговли с основными странами // Федеральная таможенная служба (ФТС) : [сайт]. URL: <https://customs.gov.ru/folder/511> (дата обращения: 26.02.2026).

Таблица 1

**Основные показатели торговли между Россией и Республикой Корея
в 2021–2025 гг., млрд долл.**

Категория / год	2021	2023	2024	2025 (оценка)
Экспорт из Республики Корея в Россию	9,9	6,3	5,1	4,5
Импорт из России в Республику Корея	17,4	8,7	8,2	7,2
Общий товарооборот	27,3	15,0	13,3	11,7

Источник: составлено автором на основе данных Korea International Trade Association (KITA) и Федеральной таможенной службы (ФТС).

Уход крупнейших южнокорейских брендов с российского рынка привёл к образованию ниши, которую стали стремительно заполнять китайские корпорации, расширяющие своё присутствие. В сложившихся условиях южнокорейские эксперты констатируют, что национальный бизнес оказался в своего рода институциональной ловушке. Компании вынуждены соблюдать санкционные ограничения, обусловленные международной политической конъюнктурой. Данная ситуация практически исключает сохранение рыночного присутствия и ведёт к безвозвратной потере позиций. В то время как южнокорейские производители утрачивают налаженные логистические цепочки и доверие потребителей, китайские конкуренты осваивают высвобождающиеся рыночные ниши, формируя тем самым новую конфигурацию рынка. В этой связи возвращение южнокорейских компаний на российский рынок в долгосрочной перспективе представляется экономически нецелесообразным⁷.

К настоящему времени тактика поддержания деловых связей свелась к поиску «обходных путей». Чеболи, то есть специфические формы южнокорейских сверхкрупных финансово-промышленных групп, которые фактически являются фундаментом экономики Республики Корея, такие как Samsung, LG и Hyundai, оказались перед дилеммой: либо окончательно утратить возможность выхода на российский рынок в пользу прежде всего китайских конкурентов, либо продолжить деятельность через нейтральные юрисдикции. Как отмечает П. Лешаков, феномен «скрытого присутствия» южнокорейского бизнеса в России через страны ЕАЭС и создание совместных предприятий в Центральной Азии стал ключевой тенденцией 2025 г. [3]. Вместе с тем Москва ужесточила условия возврата, требуя полной локализации производства и перехода на расчёты в национальных валютах вне системы SWIFT.

«Бутылочным горлышком» для всех видов экономического сотрудничества остаётся закрытость финансового канала: блокировка SWIFT и угроза вторичных санкций делают прямые расчёты крайне рискованными. Как отметил Посол

⁷ Lipke A. The plus sides of pragmatism: how the EU can engage with South Korea's new president // European Council on Foreign Relations (ECFR) : [site]. URL: <https://ecfr.eu/article/the-plus-sides-of-pragmatism-how-the-eu-can-engage-with-south-koreas-new-president/> (accessed: 06.12.2025).

России в Республике Корея Г.В. Зиновьев в одном из интервью в начале февраля 2026 г., без решения данной проблемы дальнейший рост экономических связей остаётся крайне затруднительным⁸.

На начало 2026 г. основной задачей оставалось сохранение «прагматичного минимума» в двустороннем экономическом взаимодействии. Республика Корея по-прежнему является крупным потребителем российского сжиженного природного газа (СПГ) и морепродуктов, понимая, что поиск альтернативных поставщиков приведёт к увеличению издержек для национальной экономики. В структуре корейского экспорта в Россию в 2026 г. преобладают товары «второго эшелона», в частности, косметическая продукция (22% рынка), фармацевтическая продукция, а также автозапчасти для поддержания существующего автомобильного парка.

Однако ситуация меняется под воздействием новых «чёрных лебедей». Главным из них стала эскалация конфликта на Ближнем Востоке. Для Сеула данный конфликт обернулся серьёзным вызовом: будучи государством, лишённым собственных энергоресурсов и зависимым от морских поставок нефти и газа на 90%, Республика Корея столкнулась с реальной угрозой их перекрытия. В то же время данные обстоятельства предоставляют России возможность, не требующую значительных уступок или дополнительных усилий с её стороны⁹.

По состоянию на весну 2026 г. основные проблемы и возможные пути их решения в российско-южнокорейских экономических отношениях концентрируются вокруг трёх взаимосвязанных аспектов: сбоев в энергетическом секторе, препятствий для осуществления финансовых транзакций и развития новых логистических маршрутов.

Наиболее острой проблемой в начале 2026 г. стал кризис энергоснабжения в Республике Корея, который вынуждает Сеул пересмотреть введённый им же запрет на импорт российских энергоносителей. Россия, располагающая проектами «Сахалин-1», «Сахалин-2» и поставками нефти по трубопроводной системе «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО), объективно может стать для Республики Корея единственным стабильным источником энергоресурсов, способным предотвратить деиндустриализацию национальной экономики.

Республика Корея импортирует примерно 70% сырой нефти и 50% нефти через Ормузский пролив¹⁰. Эскалация конфликта на Ближнем Востоке и перекрытие данного стратегического водного пути привели к острой нехватке сырья

⁸ Интервью Посла России в Республике Корея Г. В. Зиновьева РИА Новости (10 февраля 2026 года) // Посольство Российской Федерации в Республике Корея : [сайт]. URL: https://korea-seoul.mid.ru/ru/press-centre/news/20260211_intervyu_posla_rossii_v_respublike_koreya_g_v_zinoveva_ria_novosti_10_fevralya_2026_goda (дата обращения: 23.03.2026).

⁹ South Korea weighs Russian oil imports as energy risks intensify // KoreaPro. URL: <https://koreapro.org/2026/03/south-korea-weighs-russian-oil-imports-as-energy-risks-intensify/> (accessed: 09.12.2025).

¹⁰ Там же.

для южнокорейских нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятий. Между тем в ответ на начало СВО Республика Корея в декабре 2022 г. полностью прекратила импорт российской сырой нефти (в 2021 г. на долю российской нефти приходилось 5,6% от общего объёма импорта сырой нефти Республикой Корея). В настоящее время в стране наблюдается значительное общественное недовольство ростом цен на топливо, а также звучат призывы к правительству отменить санкционные ограничения и возобновить закупки российской нефти¹¹.

Наиболее логичным решением в сложившихся условиях видится возобновление импорта российской нефти, что стало возможным благодаря временному смягчению санкционной политики США. 12 марта 2026 г. Министерство финансов США выдало временную лицензию, разрешающую операции с российской нефтью и нефтепродуктами, которые уже были погружены на суда до указанной даты. Используя данный период, Министерство промышленности Республики Корея провело консультации с крупнейшими национальными нефтеперерабатывающими компаниями, включая SK Energy, HD Hyundai Oilbank, S-Oil и GS Caltex, для обсуждения целесообразности реимпорта российской сырой нефти и нафты. Правительство Республики Корея подтвердило получение от США положительного сигнала о том, что данное смягчение санкционных ограничений распространяется на южнокорейские компании¹². Вместе с тем для практической реализации импорта необходимо решить проблему расчётов и восстановления банковских каналов. Предпринимательский сектор воздерживается от заключения долгосрочных контрактов на поставку российских энергоносителей ввиду угрозы вторичных санкций со стороны США и в особенности Европейского союза, что ставит под сомнение перспективы такого сотрудничества.

Трансарктический вектор

В нестандартной ситуации требуется применение нестандартных подходов. Одной из многообещающих возможностей реализации потенциала стратегического взаимодействия между Россией и Республикой Корея выступает Северный морской путь (СМП). Республика Корея проявляет значительный интерес к его освоению: для её экспортно ориентированной экономики сокращение маршрута до Европы на 40% по сравнению с Суэцким каналом остаётся крайне привлекательным фактором. Более того, в современных условиях СМП может стать инструментом сохранения конкурентоспособности корейского экспорта

¹¹ Ramage T. The Iran war is stress-testing South Korea's energy model // Korea Economic Institute of America : [site]. URL: <https://keia.org/analysis/the-iran-war-is-stress-testing-south-koreas-energy-model/> (accessed: 20.04.2026).

¹² South Korea Weighs Russian Oil Imports as Energy Risks Intensify // KoreaPro. URL: <https://koreapro.org/2026/03/south-korea-weighs-russian-oil-imports-as-energy-risks-intensify/> (accessed: 09.12.2025).

в Европу на фоне нестабильности традиционных логистических маршрутов. Речь идёт не просто об экономии времени, но и о своего рода страховом механизме на случай дестабилизации южных транспортных коридоров [9].

Инвестиции Республики Корея в арктическое судостроение и портовую инфраструктуру Дальнего Востока могли бы выполнить функцию «якоря», удерживающего двусторонние отношения от полного распада. Россия, располагающая крупнейшим в мире ледокольным флотом, становится для Сеула ключевым звеном в формировании новой глобальной логистической архитектуры. Южнокорейский специалист в области полярных исследований Ким Е Дон призвал Сеул активнее рассматривать возможности Арктики, в частности, ресурсный потенциал Сибирской Арктики и развитие Северного морского пути. По его словам, особое значение для Республики Корея может иметь природный газ арктических районов Сибири. При этом СМП выступает не только как альтернативный маршрут между Европой и Азией, но, прежде всего, как элемент долгосрочной энергетической стратегии Республики Корея, обеспечивающий доступ к арктическим ресурсам¹³. Для России использование потенциала Республики Корея в развитии трансарктического коридора в противовес китайскому присутствию также представляет заметный интерес.

Однако практическая реализация данного потенциала в настоящее время сталкивается с санкционными барьерами и противодействием со стороны Вашингтона. Как отмечает М. Хамперт, санкционные ограничения в отношении российского танкерного флота и инфраструктуры СПГ создают риски для корейских судостроительных компаний, которые ранее обеспечивали Россию ледокольным флотом¹⁴. С начала 2026 г. администрация Ли Джэ Мёна обсуждает формат «зелёной арктической навигации», который позволил бы корейским компаниям участвовать в пилотных рейсах по Северному морскому пути под эгидой экологического мониторинга, избегая тем самым прямого нарушения экспортного контроля¹⁵.

«Негласная нормализация»?

В связи с конфликтом на Ближнем Востоке дефицит энергетических и сырьевых ресурсов может приобрести долгосрочный характер, глобальная логистическая система — усложниться, в силу чего Сеул вынужден искать альтернативные пути обеспечения своих потребностей.

¹³ Polar scientist calls for Korea to boost Arctic activities // Asia News Network. URL: <https://asianews.network/polar-scientist-calls-for-korea-to-boost-arctic-activities/> (accessed: 20.03.2026).

¹⁴ Humpert M. Northern Sea route traffic slips in 2025 as sanctions constrain Russia's Arctic ambitions // gCaptainDaily. URL: <https://gcaptain.com/northern-sea-route-traffic-slips-in-2025-as-sanctions-constrain-russias-arctic-ambitions/> (accessed: 09.12.2025).

¹⁵ Комментарий ARRC: Южная Корея активизируется в Арктике после «китайского прорыва» // Asia Risk Research Center : [сайт]. URL: <https://asiarisk.org/novosti/551-kommentarij-arcc-yuzhnaya-koreya-aktiviziruetsya-v-arktike-posle-kitajskogo-proryva> (дата обращения: 10.12.2025).

В данном контексте администрация Ли Джэ Мёна приступила к осторожному зондажу возможностей вывода ряда проектов из-под действия санкционного режима, апеллируя к соображениям «национальной безопасности». В экспертной дискуссии обсуждаются три механизма реализации корейским бизнесом «российской карты»:

1) «казахстанский хаб» — создание совместных предприятий на территории стран ЕАЭС, в рамках которых корейские комплектующие легализуются как «товары местного производства» для последующего беспрепятственного ввоза в Россию;

2) активация опционов — рассмотрение крупными южнокорейскими концернами возможности возврата активов, проданных российским собственникам в 2022–2024 гг., через нейтральные юрисдикции;

3) «белые бренды» — возобновление сборки техники на российских производственных мощностях под новыми брендами, юридически не аффилированными с материнскими компаниями в Сеуле.

Россия, в свою очередь, придерживается стратегии «выжидательного прагматизма». Российская сторона ясно дала понять, что возвращение к модели «простой торговли» невозможно — «вход платный». Таким образом, к южнокорейским партнёрам выдвигаются следующие требования:

- полная локализация производственных мощностей на территории России;
- переход на расчёты в национальных валютах (вона/рубль) через банковские каналы, не задействованные в системе SWIFT;
- прямой отказ от соблюдения санкционных директив в сферах, имеющих жизненно важное значение для России.

Как отмечает Дж. Бэ, «фактор России» в настоящее время является неотъемлемой составляющей планирования в рамках альянса США и Республики Корея, что превращает любые экономические уступки Сеула в объект политического торга¹⁶.

Перспективы развития российско-южнокорейских отношений на горизонте 2026–2030 гг. остаются неопределёнными. С одной стороны, администрация Ли Джэ Мёна демонстрирует готовность к диалогу и признаёт значение России для национальной экономики. С другой стороны, сохранение военно-политического союза между Москвой и Пхеньяном, а также сохраняющаяся зависимость Сеула от Вашингтона создают структурные препятствия, которые не могут быть преодолены в краткосрочной перспективе. Официальный Сеул пока не готов к решительным шагам, хотя южнокорейский бизнес и общественность всё настойчивее требуют перемен. Москва, в свою очередь, наблюдает за этим с некоторым злорадством.

¹⁶ Rinna A. V. The Russia factor in US-South Korea alliance planning // East Asia Forum. URL: <https://eastasiaforum.org/2025/11/22/the-russia-factor-in-us-south-korea-alliance-planning/> (accessed: 10.12.2025).

В сложившихся условиях российско-южнокорейские отношения находятся в состоянии «вынужденного ожидания». Результаты IX съезда Трудовой партии Кореи и формирование новой евразийской связности исключают возможность возвращения к статус-кво 2021 г. Будущее двусторонних отношений обусловлено признанием новой многополярной реальности, в рамках которой интересы России на Корейском полуострове выступают в качестве константы. Глобальный кризис, усугублённый эскалацией ближневосточного конфликта, выявил для Сеула иллюзорность представлений об энергетической и логистической безопасности Республики Корея без участия России. Москва заняла позицию «беспристрастного наблюдателя», настаивая на том, чтобы Сеул перешёл от декларируемого прагматизма к практическим действиям, направленным на деэскалацию. Для России Республика трансформировалась из категории «особых партнёров» в разряд «трудных соседей», отношения с которыми будут определяться принципами жёсткого прагматизма и необходимостью оценки реального вклада южнокорейского бизнеса в достижение технологического суверенитета России.

Заключение

Подводя итог, следует констатировать, что к 2026 г. российско-южнокорейские деловые связи стабилизировались в рамках новой модели, которую можно охарактеризовать как «вынужденный прагматизм»¹⁷. Прежняя модель двусторонних отношений, при которой Республика Корея являлась технологическим партнёром России в сфере модернизации, а Россия — стабильным поставщиком сырья для южнокорейской промышленности, на текущем этапе утратила свою актуальность. Глубокая интеграция Сеула в американскую стратегию «блокового сдерживания» и формирование новой архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, закрепившей разделение региона на противоборствующие лагеря, лишили двустороннюю повестку самостоятельности, превратив её в производную глобального противостояния.

Несмотря на значительное сокращение двустороннего товарооборота и институциональный кризис доверия, потенциал для «холодной стабилизации» сохраняется в сферах, имеющих критическое значение для обеих стран. В первую очередь это относится к энергетическому сектору и логистике. В условиях дестабилизации традиционных маршрутов поставок на Ближнем Востоке российский сжиженный природный газ, а также проекты, реализуемые в рамках Северного морского пути, приобретают для южнокорейских чеболей значение безальтернативных инструментов обеспечения ресурсной устойчивости. Однако

¹⁷ Seo H. H. South Korea's Foreign Ministry in transition: pragmatic diplomacy in practice // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2026/01/south-koreas-foreign-ministry-in-transition-pragmatic-diplomacy-in-practice/> (accessed: 01.03.2026).

реализация данного потенциала в ближайшие годы будет носить точечный характер, ограничиваясь теми нишами, в которых санкционные риски минимальны либо могут быть нивелированы посредством использования нейтральных финансовых и логистических хабов.

В среднесрочной перспективе будущее двустороннего делового сотрудничества будет определяться способностью политического руководства Республики Корея проявить стратегическую автономию в вопросах защиты собственных экономических интересов. Россия, завершая свой «разворот на Восток», формирует новые технологические и финансовые контуры в рамках Евразии. Несмотря на то что место для южнокорейского бизнеса в них остаётся вакантным, данная возможность не будет сохраняться бесконечно. Географическая близость, отсутствие неразрешимых исторических конфликтов и взаимодополняемость экономик создают объективную предпосылку для возобновления полноформатного сотрудничества, однако для этого потребуются переход от политики, ориентированной на следование внешним ограничениям, к прагматичному диалогу, основанному на признании новых геополитических реалий, что будет зависеть от готовности южнокорейской стороны руководствоваться национальными интересами без оглядки на позицию США, а также от способности проявить суверенную политическую волю, признав невозможность объединения Корейского полуострова и необратимость формирования многополярной системы.

Список источников

1. Асмолов К. В., Захарова Л. В. Решительность и аккуратность // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 4. С. 203–224. doi:10.31278/1810-6439-2023-21-4-203-224.
2. Давыдов О. В. Проблемы Корейского полуострова и возможные пути их решения // Россия и АТР. 2018. № 3(101). С. 68–83. doi:10.24411/1026-8804-2018-10034.
3. Лешаков П. С., Малофеева Н. Российско-южнокорейское экономическое взаимодействие на паузе // Корееведение. 2023. № 2(3). С. 16–28. doi:10.48647/ISSA.2023.30.88.002.
4. Лешаков П. С., Соловьев А. В. Сердечно, но мучительно. Россия — КНДР: перспективы экономического взаимодействия // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 2. С. 184–196. doi:10.31278/1810-6439-2023-21-2-184-196.
5. Лукин А. В. Россия и Китай в меняющемся мире : статьи и переводы (2015–2024). Москва : ИКСА РАН, 2024. 959 с.
6. Торкунов А. В., Толорая Г. Д., Дьячков А. В. Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.). Москва : Просвещение, 2021. 448 с.
7. Park H. R. Nuclear North Korea's challenge to deterrence theories and policies. Cham : Palgrave Macmillan, 2025. 289 p. doi:10.1007/978-3-032-05310-7.
8. Snyder S. A. The United States-South Korea Alliance. New York : Columbia University Press, 2023. 336 p.
9. Toloraya G. D. The crisis of South Korean conservatism and implications for Russia // Russia in Global Affairs. 2025. Vol. 23, no. 2(90). P. 180–203. doi:10.31278/1810-6374-2025-23-2-180-203.

References

1. Asmolov K. V., Zakharova L. V. Reshitel'nost i akkuratnost [Determination and accuracy]. *Rossiya v global'noy politike [Russia in Global Politics]*. 2023;21(4):203–224. doi:10.31278/1810-6439-2023-21-4-203-224. (In Russian).
2. Davydov O. V. Problemy Korejskogo poluostrova i vozmozhnye puti ih resheniya [Problems of the Korean peninsula and possible ways to solve them]. *Rossiya i ATR [Russia and the Pacific]*. 2018;(3):68–83. doi:10.24411/1026-8804-2018-10034. (In Russian).
3. Leshakov P. S., Malofeeva N. Rossijsko-yuzhnokorejskoe ekonomicheskoe vzaimodejstvie na pauze [Russian-South Korean economic cooperation is on hold]. *Koreevedenie [Korean Studies]*. 2023;(2):16–28. doi:10.48647/ICCA.2023.30.88.002. (In Russian).
4. Leshakov P. S., Solov'ev A. V. Serdechno, no muchitel'no. Rossiya — KNDR: perspektivy ekonomicheskogo vzaimodejstviya [Warmly, but painfully. Russia and North Korea: prospects for economic cooperation]. *Rossiya v global'noy politike [Russia in Global Affairs]*. 2023;21(2):184–196. doi:10.31278/1810-6439-2023-21-2-184-196. (In Russian).
5. Lukin A. V. Rossiya i Kitaj v menyayushchemsya mire [Russia and China in a changing world]. Moscow: IKSA RAN; 2024. 959 p. (In Russian).
6. Park H. R. Nuclear North Korea's challenge to deterrence theories and policies. Cham: Palgrave Macmillan; 2025. 289 p. doi:10.1007/978-3-032-05310-7.
7. Snyder S. A. The United States — South Korea alliance. New York: Columbia University Press; 2023. 336 p.
8. Toloraya G. D. The crisis of South Korean conservatism and the consequences for Russia. *Russia in Global Affairs*. 2025;23(2):180–203. doi:10.31278/1810-6374-2025-23-2-180-203.
9. Torkunov A. V., Toloraya G. D., D'yachkov A. V. Sovremennaya Koreya: metamorfozy turbulentnykh let (2008–2020 gg.). [Modern Korea: the metamorphoses of turbulent years (2008–2020 y.)] Moscow: Prosveshchenie; 2021. 448 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 20.04.2026;
одобрена после рецензирования 16.05.2026;
принята к публикации 31.05.2026.

The article was submitted 20.04.2026;
approved after reviewing 16.05.2026;
accepted for publication 31.05.2026.